

**МАГИЧЕСКОЕ
РАВНОВЕСИЕ**

ДАША ПАР

СОЛНЦЕВОРОТ
ЖЕЛАНИИ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П18

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Иллюстрация на обложку — *okaminojikan*
Художественное оформление — *Е. Лазарева*

Пар, Даша.
П18 Солнцеворот желаний: [роман] / Даша Пар. — Москва: Издательство АСТ, 2024. — 352 с. — (Магическое равновесие).

ISBN 978-5-17-160084-6

Близится Зимнее солнцестояние. Столица замерла, предчувствуя неизбежное. Сон на двоих грозит быть исполненным, а значит наступает эпоха раскола.

Первый шаг к исполнению жестокого пророчества сделан — Сделка заключена. Белая драконица Селеста и король Никлос, оказавшись запутанными в сетях своих желаний, даже не подозревают, что их жизнями ловко манипулирует кукловод, жаждущий изменить природный баланс сил.

И только один человек способен это остановить. Но сможет ли он успеть прежде, чем случится непоправимое?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Глава 1

Инструменты войны

Селеста

Побережье было отравлено. Отрава висела в воздухе и с каждой набегавшей волной билась о песчано-галечный берег, забивалась между камней, вгрызалась в почву. Устремлялась глубоко вниз с подземными водами, текла по водопроводным трубам к домам и уличным колонкам, выбиралась на поверхность маленькими ручейками и полноводной рекой Сиц. Она впивалась в кожу вместе с ветром, выскивая малейшую царапину, рану, предпочитая нежность рта, влажность глаз и сухость носовых пазух. От нее немилосердно чесалась кожа. До невыносимого раздражения, от которого становилось еще хуже. Она любила кровь. Ведь с ней приходили новые муки, от которых не было ни сна, ни покоя.

Имя этой проказы было — морская соль.

Все началось постепенно, без резкого перехода. Колокола Собора святой Клэрии молчали, и колодец желаний не исполнил тревожную песнь о надвигающейся беде. Ненастный сентябрь с его бесконечными дождями и пронзительными ветрами сменился октябрём, который не менее усердно принялся поливать столицу ливнями, укутывая в густой туман. Все прекратилось за несколько дней. Установилась необычайно теплая погода, температура поднялась выше пятнадцати градусов, казалось, что наступило настоящее бабье лето. Но если в первые дни горожане радовались неожиданному теплу, то уже к концу октября заподозрили неладное. Стали жаловаться на изменившийся вкус воды.

Питавшие город подземные источники переполнились морской солью, и она вышла на поверхность, отравив колодцы и городские колонки. В город пришла жажда.

Сначала ученые из Академии общих наук говорили, что это кратковременное явление, вызванное нестабильной погодой и тем жутким событием, случившимся после Осеннего равноденствия. Гигантская волна вызвала дисбаланс солей в море, а последовавшие штормы изменили состав почвы, смешав соль и песок, легко добравшись до подземных вод.

«Это пройдет», — говорили они.

Служащие Клэрии и ушлые торговцы наладили поставки пресной воды из отдаленных от берегов маленьких городов и деревень. Воду стали раздавать на центральных площадях столицы — по четыре литра на человека в день. А продавцы в переулках и крытых рынках выставляли ее за серебро. Через неделю — уже за золото.

Жара тем временем усиливалась. А вместе с ней — и жажда. Сам воздух менялся, превращаясь в густое марево, от которого жителей рвало и клонило в сон. Оно вызывало спутанность сознания, вспышки гнева и бреда, видения грязную пену на губах. Соль добралась даже до дворца, и прислуге пришлось вывешивать на окна и двери марлевые полотнища, чтобы задержать заразу.

Следующим ударом по стройной теории стало стремительное распространение соли вглубь континента. Все дальше и дальше приходилось забираться возникшим за свежей водой, все больше бочек отправляли, не хватало суток, чтобы доставить ежедневную партию.

Становилось ясно, что это не временное явление. Нет, нет и нет. Если не работают магические опреснители, если нельзя заболевших исцелить магией, а воздух — очистить от соли, значит, дело не в нарушении природного баланса. Дело в них. В русалках.

И на передовую вышла я.

* * *

От холодного ветра краснеют глаза, сохнут губы. И это несмотря на защиту ариуса, что как цепной пес стоит на страже моего здоровья. Но ветер куда цепче. Словно ты-

сячи маленьких мошек, он безжалостно вгрызается в кожу, забираясь под одежду, чтобы полакомиться чистой плотью. Я стараюсь хотя бы раз в несколько дней летать вглубь королевства, чтобы окунуться в хрустальные и прозрачные озера, смывая очередную порцию соли. Даже шкуру не меняю, в обратном полете чувствуя, как падают капли воды с очищенной чешуи.

Людам и иным созданиям такая роскошь недоступна. Разве только богачам, которые через порталы ушли в даласские санатории, что на другом конце континента. Там вода нетронута. Русалок хватило только на клэрийское побережье. Нам от этого не легче.

В предрассветных сумерках теряется молоко прибрежной линии. Нам видны только слабые волны, набегающие на мокрую гальку. Здесь тихо. Ветер вновь взметнул собранную в пучок прическу, опять наполнив рот соленой слюной.

Я сплюнула на камни вязкую гадость, и тотчас услужливая рука подставила бутылку с питьевой водой. Состояние, когда от влажности сыреет одежда, а от соли становится дубовым даже шелк, я называю мокрой сухостью. Оксюморон, но как иначе обозвать бесконечную жажду среди воды?

Мы дошли до того самого места, с которого все началось. Здесь подводный король увидел голову дочери. Здесь началась война. И здесь самая высокая концентрация отравы. Словно из океана проложили трубы с солью, чтобы дрянь точно прошла по всему берегу и поднялась выше, до дворца, что, как громадная каменная глыба, черная на сером фоне, нависает над прибрежными скалами.

Остановившись, я запрягла огрубевшие руки под мышки и недовольно поджала губы, наблюдая, как сгущаются на стремительно сереющем небе тучи. Погода портится. Она ярится, словно хищная птица, что клеочет по вечерам в королевском парке, нагоняя тоску. Уже начались приготовления к долгожданному буремесю. Он в этом году запаздывает, но каждый день мы спускаемся на этот берег ради него. И будем приходить, пока не случится первый настоящий шторм.

Постучав маленьким каблучком сапога по гальке, сбивая камешек, приставший к набойке, я вытянула руки, стягивая

тонкие грубые перчатки с пальцев и отдавая стоящему рядом Никлосу. Мы молчим. В эти минуты на этом месте ни слова не срывается с наших уст. Это и не нужно. Ритуал, возникший всего пару недель назад, устоялся до последней запятой, становясь тупой рутинной.

Сначала я. Потом он.

Выйдя вперед, разминая затекшую шею, потираю вмиг онемевшие пальцы. Судорога придет позже. Пока только маленькие колючки шастают по холодным венам, но огонь вызывать нельзя. Он мешает. Он дарит покой, а в этом деле нужны расшатанные нервы. Я должна взбеситься или испугаться, дойти до точки, и все это — без единого проблеска эмоции. Все внутри.

Зажмуриваюсь и осторожно опускаюсь вниз, прямо на мокрую гальку. Мужские брюки и тяжелая кожаная куртка, отороченная лисьим мехом, немного спасают от холода осенней земли. Запускаю руки в песок как можно глубже и стискиваю зубы. Мне нужно вызвать внутреннюю дрожь, что, как тонкая ниточка, тянется от головы до пят. Она вызывает неприятное ощущение в коленках, прохаживаясь по голеням и бедрам, застревая в области плеч, напрягая тренированный живот и стискивая и без того усталую шею.

Вот и пришла первая судорога. А вместе с ней из меня, как из источника, спустился под землю ариус. Ниточка разошлась тысячей канатных нитей. А потом и миллионом тончайших — в сотни раз тоньше женского волоса — ниточек. Они, как шустрые змейки, расплзлись по пляжу, заскользили вверх и вниз вдоль берега. Внутренним взором вижу, как нити набирают скорость, разлетаясь спасительной волной, сжигающей соль.

Белая вспышка изнутри ослепила глаза, и я пошатнулась, заваливаясь набок. Меня поддержали мужские руки. Король не дал упасть и помог подняться, осторожно придерживая за локоток. В глазах все еще белым-бело, но уже проступают тени. В горле совсем пересохло, слепо тянусь за бутылкой, и Ник вновь приходит на помощь: сам приклоняет горлышко к потрескавшимся губам и ждет, пока напьюсь.

Отрываясь от опустевшей бутылки, прозревая, вижу его внимательный, почти отеческий взгляд. Он переживает за меня. С каждым разом процедура дается все сложнее и сложнее. Будто русалки за сутки накапливают мощь, чтобы чуть сильнее ударить.

Пока я выдерживаю удар. Воздух на глазах свежеет, уходит полупрозрачная дрожь, пропадает въедливый запах сгнивших морских водорослей, а с неба падают первые капли дождя. Наша надежда. Буремесяц — единственный способ смыть соль и спасти прибрежные города. Если осада продолжится, моих сил не хватит, а значит, весной некуда будет сажать посевы. Окончательное засоление почвы приведет к неурожаю и голоду.

Видя, что мне лучше, Никлос отпускает мое плечо и уходит к воде, к полосе прибоя, куда набегают мелкие волны. Уже виднеются и первые суровые барашки штормовых волн. Они пока еще резвятся вдалеке, разбиваясь о природные волнорезы, щедро усеявшие северную половину побережья. Но скоро ветер усилится, наберется зимней мощи, и к вечеру зарядит проливной дождь, поднимется уровень воды, с крыш побегут серебристо-серые ручьи, до краев наполняя заранее подготовленные бочки.

Этого дождя ждали несколько недель. С того самого дня, когда стало ясно, что происходит. Вот уж не думали жители города, что будут мечтать о буремесяце. Однако даже он не пришел бы, не будь рядом со мной черного короля.

Я уничтожаю соль. Он призывает бурю.

Вот и сейчас, откинув полы теплого пальто, стянув толстые кожаные перчатки, Ник настраивается на пение черных волн и делает шаг вперед. Как черный бог, он не проваливается в воду, а поднимается над ней. Кажется, будто Никлос идет по волнам, как по берегу, но на самом деле он ступает по черноте расплывающегося кляксой нориуса.

Небо и светлеет, и темнеет одновременно. Тусклые расцветные краски насыщаются густыми тонами, и я замечаю, как высоко поднимаются далекие волны. Это его работа. Чувствую слабый укол тревоги. Прежде Нику не удавалось призвать шторм. Его сила была физической, как и моя. Но

все меняется. Стремительный прогресс короля виден невооруженным глазом. Лишь только он вздымает руки к небу, выше поднимаясь над морем, как в ответ раздается трескучий гром, и наверху появляется сотня мелких вспышек.

Поднимается ветер, я выше задираю ворот куртки, вновь натягиваю перчатки на грязные от мокрого песка руки и прячу их под мышки. Щурясь от холода, отступаю вглубь пляжа, к отвесным скалам. Скоро волны совсем разойдутся и дойдут сюда, в крепкую пену взбиваясь о камень. Но к тому моменту нас здесь уже не будет.

Я наблюдаю за Ником. Маленькая фигура на фоне блеклого неба. И какая же мощь в ней сокрыта...

Волны поднимаются выше. Теперь они с грохотом обрушиваются на берег, заворачиваясь пушистым кружевом, забираясь все глубже и глубже, подбираясь к скалам. От высокой влажности я продрогла. Глаза слипаются, уже не сопротивляюсь очередному зевку, от которого чуть челюсть не свернула. Усталость подбирается, как теплое, махровое одеяло. Сказываются гонка со временем, недосып и не только.

Опускаюсь на корточки, прислонившись к холодному камню, и лишь на мгновение прикрываю глаза. Сквозь ресницы наблюдаю, как по небу шире расплзается чернильная клякса и будто щекочет бока небесных угрей, раздражаясь сверкающими вспышками. Веки тяжелеют, голова клонится к груди, и я почти погружаюсь в сон, когда чувствую прикосновение воды к сапогам. А потом меня медленно, как на облачке, поднимают вверх, и я только пальцами успеваю мазнуть по очередной поднявшейся волне. От попавших на лицо брызг защипало кожу. Просыпаюсь, вяло растирая щеки, пока нориус подтягивает меня к замершему в воздухе Никлосу.

Он устал так же, как и я. Его гонка даже хуже моей — до сегодняшнего дня он не видел прогресса. Небо упорно сопротивлялось его силе, оставаясь почти по-летнему жарким и безоблачным. Но сегодня чаша весов склонилась в пользу короля, и он с мрачным удовлетворением наблюдал за разыгрывающимся штормовым представлением.

Обхватив меня за талию, он ненадолго задерживается в воздухе, чтобы мы оба могли насладиться грозовым

концертом, чувствуя, как поднимаются волоски на коже от мощнейших разрядов молний. Закладывает уши и немного болит голова — ждать осталось недолго.

Мы входим во дворец в момент, когда раскат сменяется барабанной дробью дождя. Как будто лопнули небесные плотины — вода пошла сплошным потоком, вмиг разлившись по карнизам и стокам веселыми ручьями. Повеяло долгожданной прохладой.

* * *

Полутемная комната кажется милее всего на этом свете. Она манит тишиной и обещает покой, стоит только прикрыть глаза. Выйдя из ванной и расчесывая пальцами мокрые волосы, я подошла к окну и чуть отодвинула штору. Сквозь серые тучи вниз спускались крутые струи дождя, а деревья перед дворцом слабо клонились к земле. Шторм не вышел на берег, оставшись бушевать где-то среди высоких, черных волн, у самого горизонта.

Море опустело. Ни единой русалки. Даже шёлки ушли на глубину — их мертвая кожа растворялась от солевых потоков, и они разлагались на глазах. Мы остались беззащитными, и только сторожевые дымчатые линии, что, как решетка на черных сваях, стояли под водой, предупреждали в случае атаки. За три недели их тревожили трижды, но так, на пробу. Просто чтобы поиграть на наших нервах.

Штора опустилась вниз, а я взъерошила волосы, подсушивая их жаром. Им это не на пользу, но я не хотела ложиться с мокрой головой. Особенно зная, что за мной наблюдают сквозь приоткрытую дверь.

Он знает, что я скоро приду к нему.

Свет из соседней спальни просачивается сквозь тонкую щель между штор, прочерчивая линию передо мной, будто создавая белое препятствие на пути к двуспальной кровати с опущенным пологом. Я слышу шелест простыней и слабый скрип пружины матраса. Развязываю завязки на атласном халате, бросаю его под ноги и легко переступаю черту, на мгновение словно вспыхивая красным, прежде чем погрузиться во тьму.

Мягкое постельное белье приятно холодит кожу, разгоряченную после душа. Я опускаю голову на подушку и тотчас закрываю глаза в надежде скорее погрузиться в сон и поспать хотя бы пару часов. В тот же миг мужская рука опускается на мою талию. Никлос прижимается к спине и будто прячет нос, как в детской колыбели, утыкаясь в мою шею. И начинается волшебство.

Проклятье нашего положения в том, что наши экзерсисы с ариусом и нориусом после сентябрьского разрыва теперь как бег с препятствием у астматиков. И если Никлос в силу опыта и более мощной основы нориуса способен управиться с последствиями, то я каждый день играю с огнем. Ариус высасывает из меня все соки, и без подзарядки я становлюсь ни на что не годной. А мне нужна эта сила. Без белой тьмы я просижу в этой золоченой клетке до скончания веков.

— Скажи лишь слово — и я отпущу тебя, — шепчет король, чувствуя, как я одеревенела в своей неподвижности и стремлении исчезнуть. Затекали плечи, сдавило грудь, хочется сделать глубокий вдох, а вместо этого зажимаю в кулаке край подушки и упрямо не открываю глаз.

Ник не тронет меня. Больше нет. После того, что случилось в ту ночь, он ни разу не прикоснулся ко мне. И даже в эту постель я пришла по своему желанию. Это я хочу зарядиться от связи ариуса и нориуса, что уже сплелись в тысячи кос под потолком кровати, путаясь между столбиков и зарываясь в тончайшую ткань полога.

— Ты же знаешь, почему я здесь.

— А ты сама знаешь, почему?

* * *

Пробуждение тягостно, как топкое молоко. Будто и не спала, а продолжала сражаться со своими демонами. Открываю глаза — и будто ночь на дворе, хотя часы показывают почти двенадцать дня. Значит, я проспала часов пять или шесть. Хороший результат. Высунув язык, поводила из стороны в сторону. Нет привкуса соли, а значит, то, что сделал Ник, сработало.

Выбираясь наружу, слышу монотонный стук дождя по стеклу. Босая иду к окну и раздвигаю шторы,пуская тусклый молочный свет, в котором танцуют мельчайшие песчинки. Обернувшись, вижу, что кровать пуста. Король всегда уходит первым. Он не хочет, чтобы я испытывала стыд. Мы спим вместе и порознь и официально даже помолвлены, несмотря на мой траур по погибшему мужу, который жив и находится в эльфийском лесу.

Подняв колокольчик, вызвала прислугу. Световой день короток, а мне так много нужно успеть до вечернего бала в честь начала буремесца. Никлос будто знал, что именно сегодня удастся переменить погоду и призвать первый шторм. Он о многом теперь ведает, и я знаю, отчего это происходит.

В комнату, постучавшись, вереницей вошли слуги. Девушки, что сопроводили в ванную комнату, а потом в малую гардеробную, официанты с подносами еды, портной и мой личный секретарь, кэрр Август Бол. Красный дракон. Я выбрала его из десятка претендентов за исключительное спокойствие и почти безразличие к тому, кто я такая. Не самый лучший кандидат, по словам Богарта, но мне не хотелось видеть в своем окружении ставленников тайной канцелярии или сподвижников короля. Август произвел впечатление человека равнодушного, без страстей и карьерных устремлений. Он сам был удивлен моим выбором, но по своим талантам и умениям отлично подходил для своей роли. И если шпионил, то делал это спустя рукава, не стремясь лезть в мои дела. Так это выглядело для других.

Закончив с утренними процедурами и облачившись в темно-серое платье с глухим воротом, вышла в гостевую комнату, где предпочитала завтрак совмещать с планированием дня. Я давно отказалась участвовать в королевских застольях, выбирая сон вместо раннего подъема. А вот Его Величество спокойно поднимался в восемь утра и через полчаса уже руководил министрами и чиновниками, послами и аристократией.

— Кэрр Август, чем порадуете сегодня? Видели, какой дождь за окном? Настоящий ливень! Мы его так долго ждали...

Бол не выделялся ни ростом, ни внешностью: почти бесцветные короткие волосы, уложенные как по линейке, редкие усики, мягкие губы и серые глаза. Как мой секретарь он, несмотря на невысокое происхождение, был обязан украсить одежду символами белого дракона. Однако кроме серой брошки с королевским гербом и белой печати на безымянном пальце краснокрылый ничем не выделил свое положение, оставаясь абсолютно невыразительным среди пестрой королевской аристократии. И только близкое знакомство раскрывало его истинную природу — наблюдательность и верность идеалам справедливости. Именно из-за этих качеств и из-за одного оставшегося тайным поручительства я и выбрала его.

Дождавшись, пока я примусь за кашу с румяными тостами, он опустил за стол напротив меня и вытащил небольшой ежедневник, в который заносил мое плотное расписание.

— Да, Ваше Высочество, дождь порадовал жителей города. Уже к десяти все бочки переполнились, и горожане вытащили ведра и тазы, стремясь собрать как можно больше пресной воды. Как заметила моя кухарка, сегодняшний день стал днем чистоты, и сейчас каждая хозяйка стремится перестирать все наряды и белье. Мыло и щелочь распроданы, взлетели цены на щетки и мочалки. День стирки.

Я прыснула со смеху, и Август улыбнулся в ответ. Он развернул последнюю страницу ежедневника, показав мне запись. Дождавшись моего кивка, стер ее ластиком.

Значит, это будет сегодня, во время бала. Хорошие новости.

— Люди радуются, что шторм не вышел на берег, но и беспокоятся, надолго ли пришла буря.

— Если начался буремесец, то он уже не прекратится до самого зимнего солнцестояния, — проворчала я негромко, звучно скользнув ложкой по дну тарелки. Подоспевший слуга забрал посуду и выложил блинчики со сметаной и икрой.

— Однако вернемся к делам. Через час Вас ожидает Совет Женевры. Вопросы, связанные с городским детским домом и сбором средств на благотворительность на вечернем празднике. Кэрра Милан просила разрешения не присутствовать на балу — ей снова нездоровится.

«Вот дурная девчонка!» — я недовольно прикусила губу, но сдержалась. Пару недель назад я уже пыталась устроить допрос Богарту, почему его прелестная жена подозрительно плохо выглядит и часто болеет, однако успеха не достигла. Тогда привлекла короля и даже добилась врачебного осмотра Милан. На девушке не оказалось ни царапины. Она была здорова и телом, и душой.

После этого я получила настоящую взбучку от Никлоса за вмешательство в личные дела канцлера и устроенный переполох. А Милан на время даже соизволила немного расслабиться, уступив розовым и голубым тонам в одежде и отказавшись от длинных рукавов и воротников. Но это быстро прошло, и драконица вновь скатывается в отшельничество. Я уже собиралась лично сопроводить ее в монастырь, чтобы с ней побеседовала настоятельница Собора святой Клэрии.

— Также будет примерка вечернего платья. Маркл недоволен вашими предпочтениями, однако получил внушение и не будет больше ставить препоны. Он переделал наряд с учетом ваших пожеланий.

— Отлично. А то я уже переживала, не придется ли сместить стилиста, настолько вольно Маркл обращается с моим гардеробом в мое отсутствие, — я широко улыбнулась, отставляя пустые тарелки и пододвигая к себе чашку кофе.

За приоткрывшимися перед официантами дверями раздавались голоса, кто-то оживленно беседовал, направляясь в личные покои короля. Я нервно слотнула, будто испугавшись, что Никлос может прочесть мои мысли и догадаться, что сегодня затевается.

Неправильно истолковав мой взгляд, секретарь пояснил:

— Кэрр Сэдов планирует отправиться в новую экспедицию, сразу как кончится зима. Они с Его Величеством обсуждают возможные варианты.

С тех пор как переехала в женские королевские покои, соединенные с мужскими сквозной дверью, я постоянно была в курсе дел Никлоса. Так же, как и он — в курсе моих. Мы, хоть и старались лишний раз не контактировать, как две планеты, кружили друг вокруг друга, постоянно сталкиваясь. И я не знаю, насколько эти столкновения были случайны.